

УДК 314.5/.6(470-17), ББК 60.7(21)

© Попова Л.А., Барашкова А.С.

Развитие брачно-семейных отношений в северных регионах России*

**Лариса Алексеевна
ПОПОВА**

доктор экономических наук, доцент, зам. директора по научной работе, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26, popova@iespn.komisc.ru)

**Анастасия Спиридоновна
БАРАШКОВА**

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова (677891, г. Якутск, ул. Петровского, д. 2, asbarashkova52@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены закономерности современного демографического развития северных регионов России. Раскрыто своеобразие динамики процессов брачности на Севере в послевоенный период и особенности брачно-семейных отношений в настоящее время. Более подробно проанализирована ситуация в двух крупных северных республиках: Республике Коми и Республике Саха (Якутия). Выявлены факторы, определившие значительное снижение брачности населения в 1990-х годах и относительную нормализацию брачно-семейных процессов в последние годы. Обозначены основные направления демографической политики в северных регионах.

Ключевые слова: северные регионы, воспроизводство населения, брачно-семейные отношения, уровень и структура брачности, демографическая политика.

* Статья подготовлена в рамках проекта конкурсных программ межрегиональных и межведомственных фундаментальных исследований УрО РАН «Демографическое развитие северных регионов России в условиях социально-экономической трансформации» (№ 12-С-7-1009).

В демографических исследованиях основное внимание традиционно уделяется процессам рождаемости и смертности. В то же время изучение закономерностей развития брачно-семейных отношений также является неотъемлемой частью демографического анализа: движение семьи включается в расширительную трактовку понятия «воспроизводство населения». Наличие тех или иных форм брака и семьи, а следовательно, отношений между мужчиной и женщиной, между супругами, между родителями и детьми обеспечивает устойчивость процесса воспроизводства населения и непрерывное его возобновление [1, с. 100]. Кроме того, все демографические процессы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Тенденции развития брачно-семейных отношений во многом влияют не только на показатели рождаемости, но и на уровень смертности и степень миграционной подвижности населения.

В условиях затяжного демографического кризиса, из которого страна только-только выходит, но уже стоит на пороге очередного структурного понижения уровня рождаемости, исследование современной региональной специфики брачного поведения населения представляет несомненный интерес. В данной статье будут рассмотрены особенности развития брачно-семейных отношений в северных регионах России (субъектах федерации, территории которых целиком относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям). Более подробно будет проанализирована ситуация в двух крупных национальных республиках – Коми и Саха (Якутия), которые, с одной стороны, характеризуются рядом общих для Севера закономерностей демографического развития, а с другой – отличаются собственной спецификой, во многом обусловленной этническим составом населения и степенью завершенности демографического перехода у титульных этносов республик.

К общим для Севера закономерностям современного демографического развития следует прежде всего отнести значительные объемы убыли населения, обусловленные масштабным миграционным оттоком на протяжении последних двух с половиной десятилетий, и более высокие в связи с этим темпы постарения пока еще более молодого населения зоны Севера [2].

Процессы естественного движения населения северных территорий также заслуживают очень неоднозначной оценки, несмотря на кажущуюся относительную благополучность, которая находит отражение непосредственно в характере и динамике показателя естественного прироста в этих регионах в период российского демографического кризиса. В некоторых северных субъектах федерации естественная убыль населения началась несколько позже, чем по России в целом, и раньше завершилась. Например, в Республике Коми естественная убыль впервые была отмечена в 1993 г., на год позже, чем в целом по стране. А в 2011 г., наоборот, на год раньше, чем в России, в Коми был зафиксирован положительный естественный прирост, в городской местности республики – еще в 2008 г. При этом в депопуляционных северных регионах величина общего коэффициента естественной убыли, как правило, была заметно меньше среднероссийского уровня, исключение составляли только Республика Карелия и Архангельская область.

В некоторых северных регионах лишь отдельные территории со временем оказались охвачены естественной убылью. Например, в Республике Саха (Якутия) депопуляция впервые была отмечена в 1993 г. в Алданском и в 1995 г. в Усть-Майском улусах, а к 2006 г. она охватила восемь улусов из 35 [3]. И наконец, в ряде северных регионов на протяжении всего периода российской депопуляции сохранялся устойчивый естественный прирост. В Северо-

Таблица 1. Удельный вес населения моложе трудоспособного возраста и в трудоспособном возрасте в составе населения северных регионов России, по данным переписей населения, % [4; 5; 6]

Регион	1989 г.		2002 г.		2010 г.	
	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте
Российская Федерация	24,5	57,0	18,1	61,3	16,2	61,6
Европейский Север						
Республика Карелия	25,6	58,4	18,0	62,9	16,0	61,2
Республика Коми	28,0	62,1	19,8	66,1	17,7	64,7
Архангельская область	26,6	58,0	18,7	62,7	16,7	61,6
в том числе Ненецкий АО	30,9	61,4	25,4	63,0	22,7	63,0
Мурманская область	27,4	64,0	18,1	68,4	16,2	65,5
Азиатский Север						
Ханты-Мансийский АО	33,2	63,3	22,8	70,4	20,4	69,0
Ямало-Ненецкий АО	32,8	65,2	24,9	70,5	22,0	70,2
Республика Тыва	37,3	54,9	33,9	59,8	30,5	59,7
Республика Саха (Якутия)	32,5	61,0	26,5	63,5	23,3	64,0
Камчатский край	28,2	66,5	18,8	68,9	17,1	65,6
Магаданская область	29,4	66,9	19,1	69,8	16,8	66,5
Сахалинская область	27,2	62,7	18,6	66,5	16,7	63,7
Чукотский АО	30,6	67,5	23,2	70,1	22,4	67,3

Западном федеральном округе это Ненецкий автономный округ Архангельской области. В Уральском ФО – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В Сибирском ФО – Республика Тыва¹. В Дальневосточном ФО устойчивый естественный прирост характерен для Республики Саха (Якутия) в целом и Чукотского автономного округа, а с 2007 г. – для Камчатского края. В Республике Коми также есть территория, на которой в течение всего периода депопуляции сохранялся естественный прирост, – это городской округ Усинск.

В основе более позднего проявления и меньших масштабов естественной убыли

населения на Севере, а также сохранения на всем протяжении периода российской депопуляции положительного естественного прироста в ряде северных территорий лежат несколько причин.

Во-первых, это характерная для Севера более молодая возрастная структура населения (табл. 1), сохранение которой в условиях многолетнего отрицательного сальдо миграции объясняется не только накопленным в результате длительного миграционного притока возрастным потенциалом населения и различающимся по возрастному составу потокам по прибытию и по выбытию, но и относительно высокими уровнями рождаемости коренных народов Севера. При прочих равных условиях молодая возрастная структура обуславливает сравнительно более высокий общий коэффициент рождаемости и низкий – смертности. Поэтому повышенная величина общего

¹ К сожалению, нет возможности проанализировать ситуацию по Таймырскому (Долгано-Ненецкому) и Эвенкийскому автономным округам, поскольку демографическая информация по Красноярскому краю в последние годы дается лишь в целом по субъекту.

коэффициента смертности в Республике Карелия и Архангельской области, также характеризующихся молодой структурой населения, уже на уровне общих коэффициентов демонстрирует значительное неблагополучие в процессах смертности в этих регионах. При этом Карелия с 2003 г. отличается и пониженным общим коэффициентом рождаемости, т.е. существенные масштабы естественной убыли в период депопуляции здесь были обусловлены как смертностью, так и рождаемостью.

Во-вторых, это непосредственно сохранение у большинства коренных северных этносов повышенных уровней рождаемости по причине незавершенности демографического перехода: практически все регионы с положительным естественным приростом — это автономии с заметным процентом представителей коренных народов Севера.

В-третьих, это «вывоз смертности» с Севера в южные районы. В наибольшей степени он характерен для территорий с ресурсно-сырьевой направленностью экономики. Именно это обстоятельство прежде всего обуславливает повышенные показатели ожидаемой продолжительности жизни населения Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, а также Усинского района Республики Коми, которые обеспечиваются как невысокой смертностью мужчин трудоспособного возраста от эндогенных причин вследствие их значительной территориальной ротации, так и низким вкладом смертности населения старших возрастов, в значительной степени покидающих Север. Для всех остальных северных территорий характерны более низкие значения продолжительности жизни населения, чем по России в целом.

Таким образом, меньшая глубина демографического кризиса на Севере России носит формальный характер, обусловленный молодой возрастной структурой

населения, незавершенностью демографического перехода у коренных народов Севера и «вывозом смертности» в южные регионы. В действительности же северные регионы отличаются большим неблагополучием ситуации в демографической сфере. К числу наиболее острых демографических проблем северных территорий относятся низкий уровень продолжительности жизни населения, особенно мужчин и особенно в сельской местности; молодая возрастная структура умирающих и значительная доля смертности от внешних причин и болезней экзогенной этиологии; низкий уровень рождаемости в традиционно русских северных областях и территориях с завершенным демографическим переходом у коренных этносов; взаимосвязь незавершенности демографического перехода у коренных народов Севера с неблагоприятными качественными характеристиками рождаемости (в частности, со значительным процентом внебрачных рождений) и высоким уровнем младенческой смертности [7].

Неблагоприятно можно оценить на Севере и брачно-семейные отношения в целом. Благодаря более молодой возрастной структуре с повышенным процентом населения в трудоспособном возрасте, который одновременно является и возрастом брачной активности, для северных регионов, как правило, характерен повышенный общий коэффициент брачности (табл. 2). Однако в некоторых территориях (например, в Республике Коми, Ненецком автономном округе, Республике Саха (Якутия)) уровень брачности в последние годы ненамного превышает среднероссийский уровень, а зачастую бывает и ниже. В Республике Карелия и Архангельской области общий коэффициент брачности стабильно ниже среднего по стране показателя. А в Республике Тыва его величина ниже среднероссийского уровня уже весьма существенно. С одной стороны, это

Таблица 2. Динамика общего коэффициента брачности населения северных территорий Российской Федерации в 2000–2011 гг., браков на 1000 человек населения [9; 10]

Регион	Год											
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Российская Федерация	6,2	6,9	7,1	7,6	6,8	7,5	7,8	8,9	8,3	8,5	8,5	9
Европейский Север												
Республика Карелия	6,0	6,4	6,8	7,0	6,7	7,2	7,7	8,4	8,5	8,3	8,8	9
Республика Коми	5,7	7,3	7,3	7,7	6,2	7,5	7,7	8,7	8,0	8,6	9,0	10
Архангельская область	5,2	6,4	6,6	7,3	6,0	7,5	7,6	8,9	7,9	8,4	8,9	9
<i>в том числе</i>												
<i>Ненецкий АО</i>	<i>6,2</i>	<i>7,0</i>	<i>7,3</i>	<i>6,9</i>	<i>5,1</i>	<i>6,3</i>	<i>7,6</i>	<i>8,9</i>	<i>8,4</i>	<i>8,0</i>	<i>8,1</i>	<i>8</i>
Мурманская область	7,0	7,9	7,9	8,7	7,4	8,4	8,5	9,3	8,6	8,9	9,3	9
Азиатский Север												
Ханты-Мансийский АО	8,7	10,8	10,4	10,0	8,4	9,7	10,5	11,5	10,6	10,7	11,3	12
Ямало-Ненецкий АО	8,4	9,9	9,9	10,1	8,6	9,2	8,9	10,1	8,8	9,4	9,8	10
Республика Тыва	3,7	4,9	5,4	6,6	5,2	5,3	5,6	8,7	8,7	8,5	6,8	7
Республика Саха (Якутия)	6,1	7,7	7,8	8,2	6,8	7,4	7,4	8,4	7,8	8,5	8,7	9
Камчатский край	7,1	8,0	8,5	8,7	7,5	8,9	9,0	9,6	9,5	10,1	10,3	10
Магаданская область	7,4	8,3	8,9	9,0	7,4	8,8	9,1	10,0	9,8	9,5	9,6	10
Сахалинская область	6,2	6,9	7,6	8,0	7,2	8,2	8,8	9,7	9,6	9,7	9,9	9
Чукотский АО	6,9	7,8	9,7	9,3	9,5	10,0	9,7	10,0	9,7	10,1	9,1	7

обусловлено тем, что, в отличие от остальных территорий, относящихся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, для молодой возрастной структуры населения Тывы (с высоким процентом детских возрастов) характерен относительно невысокий, ниже среднего по стране, удельный вес населения в трудоспособном возрасте (см. табл. 1). Но, кроме того, низкий общий коэффициент брачности коррелирует здесь с максимально высоким процентом внебрачных рождений, более чем в два раза превышающим средний по стране уровень, и низким уровнем общего коэффициента разводимости. Очевидно, что в этом регионе весьма сильно проявляются особенности брачно-семейного поведения коренного населения, оказывающие негативное влияние на уровень официальной регламентации брачных отношений.

Тенденции брачных процессов в северных регионах достаточно близки к общероссийским, но с некоторым отставанием по времени. В среднем по стране снижение уровня брачности началось почти сразу после войны, после существенного, но очень непродолжительного компенсационного подъема. В 1946 г. общий коэффициент брачности населения России вдвое превысил довоенную величину, однако в условиях чудовищного послевоенного дисбаланса полов уже со следующего года в брачных процессах наступил спад [8, с. 18–20]. В северных регионах в это время сложилась принципиально иная ситуация. Необходимость вовлечения в хозяйственный оборот природных богатств и в довоенный период обуславливала приток населения на Север. Однако в первое послевоенное десятилетие объемы миграционного прироста оказались небывалыми. И поскольку в составе

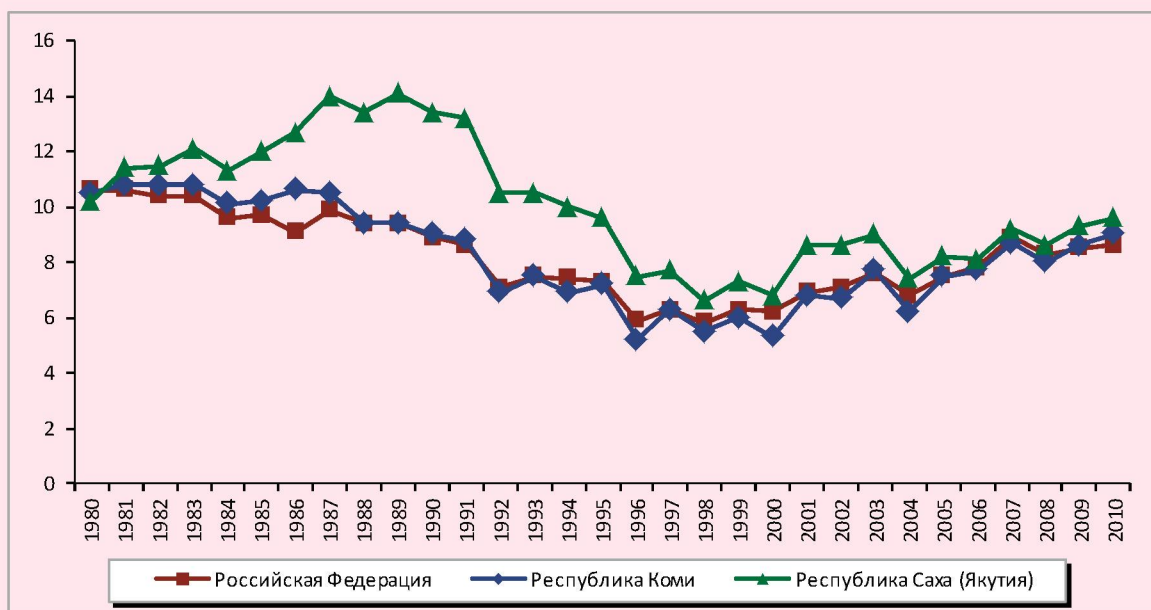
мигрантов по прибытию преобладали молодые, преимущественно неженатые мужчины, миграция существенно улучшала половозрастную и брачную структуру населения северных территорий, выгодно отличая ее от сложившейся по стране в целом.

В Республике Коми, например, в 1945 г. уровень общего коэффициента брачности также оказался в два с лишним раза выше, чем в довоенном 1940-м, — соответственно 10,7 и 4,6 на 1000 человек населения, но при этом он продолжал повышаться довольно высокими темпами все первое послевоенное десятилетие. Особенно значительные темпы роста были в первой половине 1950-х годов, характеризовавшихся максимальными объемами миграционного притока населения в республику. Достигнув в середине указанного десятилетия пиковых значений (28,4‰ в 1955 г.), по всей видимости, явившихся следствием «комсомольских» свадеб в районах нового освоения, уровень брачности в Коми начал постепенно снижаться. В течение

трех десятилетий эта тенденция имела медленный и плавный характер, углубляясь лишь в отдельные периоды, в основном в связи с неблагоприятными изменениями в возрастной структуре населения. Так, достижение брачных возрастов малочисленными поколениями, рожденными в годы войны, а также наблюдавшийся в это время миграционный отток определили низкие значения общего коэффициента брачности населения Республики Коми в 1960-х — начале 1970-х годов.

Очевидно, то же самое в это время было характерно и для Республики Саха (Якутия), поскольку к началу 1980-х годов величины общих коэффициентов брачности населения в Коми и Якутии практически сравнялись с общероссийским уровнем (рис. 1). В условиях относительно молодой возрастной структуры населения рассматриваемых регионов это свидетельствует о большей проблемности развития в них официальных брачно-семейных отношений в этот период.

Рисунок 1. Динамика общего коэффициента брачности населения Российской Федерации, Республики Коми и Республики Саха (Якутия) в 1980–2011 гг., браков на 1000 человек населения

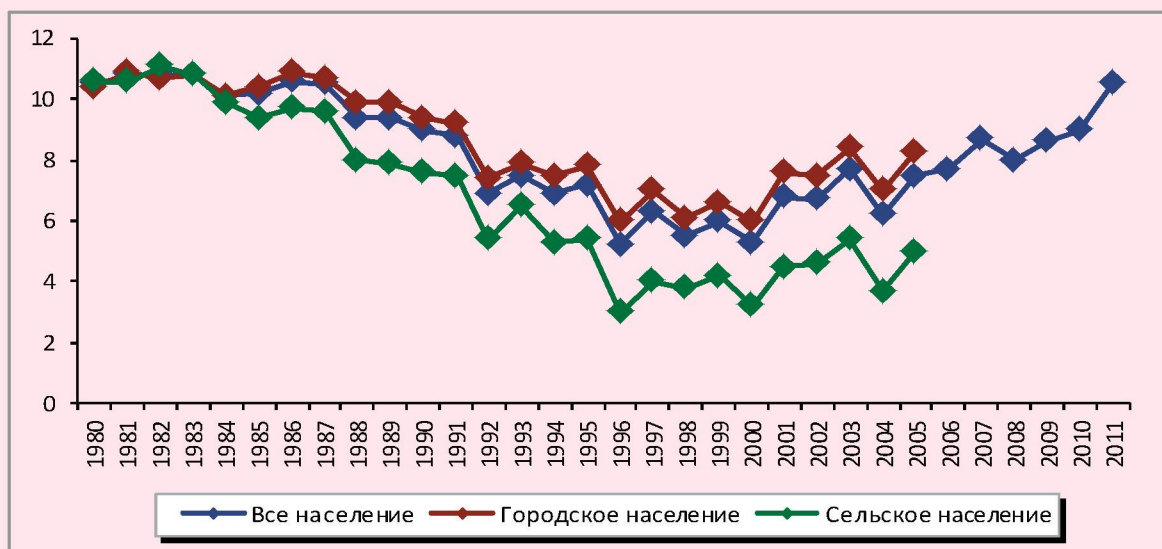
Первая половина 1980-х годов в северных регионах была отмечена некоторым улучшением ситуации в брачных процессах. Особенно сильно это видно по динамике показателя в Республике Саха (Якутия), где за 1980–1987 гг. прирост общего коэффициента брачности составил 37,3%. По всей видимости, это было одним из следствий Постановления 1981 г. «О мерах по усилению помощи семьям, имеющим детей» [11], которое сыграло заметную роль в нормализации демографической ситуации в стране в первой половине – середине 1980-х годов, особенно в регионах, отличавшихся повышенными уровнями рождаемости.

В Республике Коми заметного роста уровня брачности не было – наблюдалась скорее стабилизация его уровня. Хотя следует отметить, что в 1981–1983 гг. здесь также были отмечены максимальные с середины 1960-х годов показатели (10,8 браков на 1000 человек населения). Причем практически до 1991 г. общий коэффициент брачности в республике несколько превышал общероссийский уровень. Однако во

второй половине 1980-х годов темп снижения его уровня в Республике Коми вновь значительно ускорился (рис. 2). Основной причиной, как и два десятилетия назад, явилось уменьшение доли населения в активных брачных возрастах, обусловленное низким уровнем рождаемости 1960–1970-х годов и вновь начавшимся миграционным оттоком. А к концу 1980-х годов на брачные процессы стало накладываться отпечаток и начавшееся изменение стандартов брачно-семейного поведения населения вследствие докатившейся до России сексуальной революции, отшумевшей на Западе два десятилетия назад.

Демократизация социальных норм, регулирующих взаимоотношения между полами, обусловила постепенный отход от традиционных брачно-семейных норм, вызвав снижение возраста начала половой жизни, широкое распространение добрачных сексуальных отношений, пробных и фактических браков, рост числа браков, стимулированных добрачной беременностью невесты, рост удельного веса внебрачных рождений, происходящих как в факти-

Рисунок 2. Динамика общего коэффициента брачности в Республике Коми в 1980–2011 гг., браков на 1000 человек населения

ческих брачных союзах, так и в неполных семьях, а также омоложение рождаемости и официальной брачности.

В результате омоложения возрастной структуры брачности, т.е. перемещения основной массы браков в более молодые возрасты, сопутствовавшего снижению ее уровня, в начале 1990-х годов даже у мужчин Республики Коми свыше половины браков стали заключаться в возрасте до 24 лет. Необходимо обратить внимание также на довольно значительное увеличение в эти годы в Коми возрастного коэффициента брачности сельских мужчин 20–24 лет, которое свидетельствует о некоторой нормализации процессов брачности в сельской местности вследствие смягчения здесь остроты проблемы «дефицита невест».

Характерное для республики значительное численное преобладание мужчин в возрастах максимальной брачности сильно затрудняет их активность на брачном рынке. Поэтому женские показатели брачности в Республике Коми традиционно выше мужских, особенно на селе. Однако на протяжении 1980-х и в начале 1990-х годов здесь наблюдалось заметное улучшение половых пропорций в наиболее активных брачных возрастах: если в 1981 г. на 100 мужчин 20–29 лет на селе приходилось 63 женщины, то через 10 лет — уже 76. В результате к началу 1990-х годов в Коми произошло существенное сокращение разницы между уровнями брачности сельских мужчин и женщин.

Смягчение половой диспропорции в возрастах максимальной брачной активности, приводящее к сближению мужских и женских брачных потенциалов, продолжалось и в дальнейшем. Так, еще через десять лет, в 2001 г., на 100 сельских мужчин 20–29 лет приходилось уже 89 женщин. Однако в начале 1990-х годов, в результате сильнейшего ухудшения социально-экономической ситуации, значительно снизился

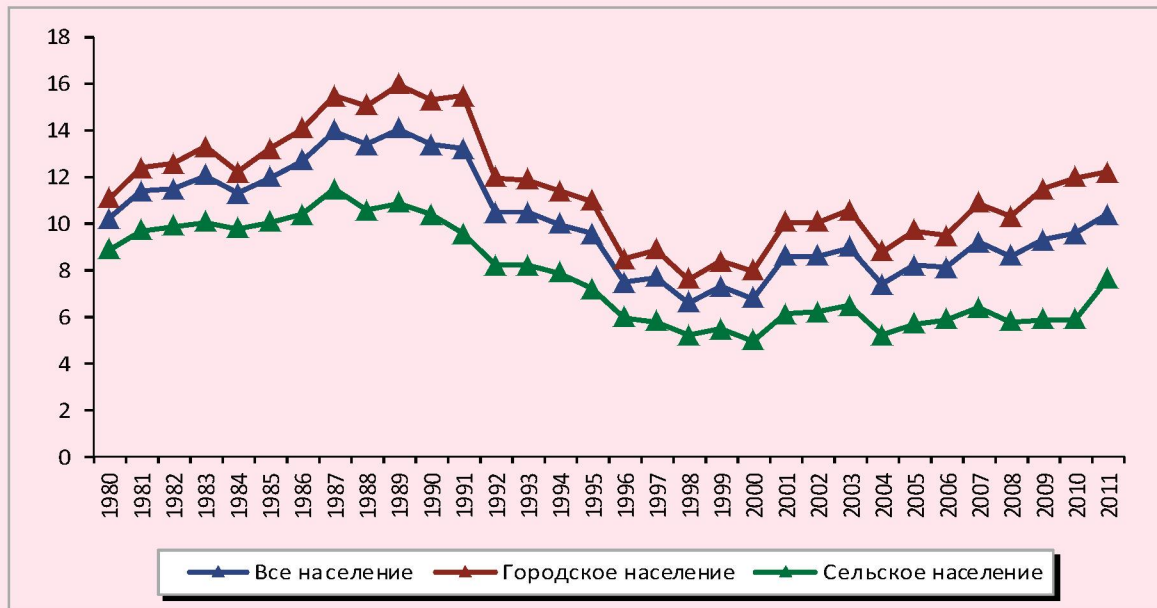
уровень реализации брачного потенциала населения, поэтому мужчинам не удалось в полной мере воспользоваться улучшением половых пропорций на брачном рынке.

Резкое снижение уровня жизни населения вследствие кризисных явлений в реформируемой российской экономике привело в начале 1990-х годов к массовому откладыванию демографических событий. Следует отметить, что брачность в случае заметного изменения внешних условий является наименее инерционным из демографических процессов. Ее уровень в огромной степени подвержен возмущающим воздействиям конфликтов и кризисов. Поэтому процессы брачности практически мгновенно отреагировали на ухудшение социально-экономической ситуации: в 1992 г. снижение ее уровня повсеместно имело провальный характер.

При этом уровень общего коэффициента брачности населения Республики Коми, который благодаря более молодой возрастной структуре населения практически на всем протяжении послевоенного периода превышал общероссийский уровень, с 1992 г. становится стабильно ниже его, несмотря на то, что возрастная структура населения республики продолжает оставаться сравнительно молодой.

В Республике Саха (Якутия) уровень брачности, значительно возросший на протяжении 1980-х годов, сохранялся достаточно высоким практически до 1991 г. Но с началом социально-экономических реформ он также резко сократился. В 1992 г. общий коэффициент брачности уменьшился на 20,5%. За 1991–1996 гг. убыль составила 43,2%, а к 1998 г., когда был зафиксирован минимальный уровень общего коэффициента брачности населения Якутии (6,6 браков на 1000 человек населения), уменьшение по сравнению с дореформенным 1991 г. было ровно в два раза (рис. 3).

Рисунок 3. Динамика общего коэффициента брачности в Республике Саха (Якутия) в 1980–2011 гг., браков на 1000 человек населения

Нестабильность социально-экономической ситуации, галопирующая буквально с первых дней «либерализации цен» инфляция заставили многие потенциальные брачные пары повременить со свадьбой. Безусловно, спад 1992 г. во многом был связан с закономерным снижением брачности високосного года. Хорошо известно, что в плане свадеб не только месяц май, но и високосный год не пользуется популярностью в народе. В преддверии его наступления даже фиксируется заметное оживление брачных процессов в декабре месяце: лишь бы не начинать семейную жизнь в високосном году.

Однако помесечные числа заключенных в 1992 г. браков свидетельствуют, что наиболее заметное сокращение брачной активности наблюдается с апреля, когда в основном начали регистрироваться браки, окончательно запланированные уже в 1992 г. Причем с этого времени период цикла в брачной активности населения Коми и Якутии сократился в два раза. Снижение уровня брачности наблюдается теперь не

раз в четыре года, а в каждом четном году. По России в целом четырехлетний период цикла в основном сохранился.

На всем протяжении 1990-х годов уровень брачности населения Республики Коми и Республики Саха (Якутия) испытывал колебания, определенные убывающим трендом: каждый последующий спад был глубже предыдущего, а возрастание уровня становилось все незначительнее.

В первое десятилетие экономических реформ (1992–2001 гг.) средний уровень общего коэффициента брачности населения Республики Коми оказался более чем на треть ниже уровня предыдущего десятилетия (1982–1991 гг.). В сельской местности Коми он сократился наполовину, в городской – более чем на 30%. В Якутии общий коэффициент брачности в среднем за первое десятилетие реформ также на треть ниже уровня предыдущего десятилетия. В городской местности уменьшение было точно таким же, как и в Республике Коми, а в сельской оно оказалось не столь значительным, как в Коми, – 37%.

Еще более наглядно снижение степени реализации брачного потенциала населения в 1990-е годы демонстрирует динамика вероятности вступить в брак к определенному возрасту, которая рассчитывается по принципу суммарного демографического коэффициента — суммированием половозрастных коэффициентов брачности к определенному возрасту.

Такие расчеты в силу информационных ограничений мы смогли выполнить только для Республики Коми. При уровне брачности, характерном для 2001 г., вероятность вступить в брак к 50 годам (с учетом повторных браков) имели 76% мужчин и 81% женщин республики, в то время как десять лет назад — в 1991 г. — такой вероятностью характеризовались 98% мужчин и 121% женщин. К сожалению, расчет многих демографических показателей после 1996 г. невозможен по причине прекращения Росстатом разработки некоторых демографических данных (их перечень еще более расширился в 2006 г., что наглядно демонстрирует рисунок 2: за последние годы исследователям недоступны в Коми даже общие коэффициенты брачности отдельно по городскому и сельскому населению), поэтому нам не удалось оценить снижение вероятности вступления в первый брак в целом за рассматриваемое десятилетие.

Однако такую оценку можно сделать за начальный период социально-экономических реформ. Если при уровне брачности 1991 г. вероятность вступить к 50 годам в первый брак имели 75% мужчин и 90% женщин Республики Коми, то при уровне, характерном для середины десятилетия (для 1995 г.), возможность вступить к 50 годам в первый брак была лишь у 64% мужчин и 68% женщин. При этом, как уже отмечалось, с начала 1990-х годов все нечетные годы характеризуются повышенной брачной активностью населения, т.е. цифры и

по 2001 г., и по 1995 г. отражают далеко не самую неблагоприятную ситуацию тех лет.

Для современной брачной ситуации характерна более высокая степень реализации брачного потенциала населения. Как видно по рисункам, в начале 2000-х годов в Республике Коми и Республике Саха (Якутия), как и в целом по стране, намечилось возрастание уровня брачности: на всем протяжении минувшего десятилетия прослеживается явный возрастающий тренд. При этом после 2004 г. в северных республиках наблюдается и возврат к четырехлетнему периоду цикла брачной активности. К концу десятилетия показатели брачности населения Коми практически вернулись к уровню 1991 г., а в 2011 г. был зафиксирован уровень 1987 г., близкий к максимальным за последние десятилетия уровням начала 1980-х годов. В Якутии в 2011 г. пока наблюдается уровень 1992–1993 гг., но возрастание тоже очень заметное. Безусловно, во многом этот рост является следствием улучшения возрастной структуры брачных контингентов — достижения активных брачных возрастов относительно многочисленными поколениями, родившимися в середине — второй половине 1980-х годов. Однако в последние годы свой вклад начали вносить и государственные демографические инициативы, ориентированные на поддержку семейной рождаемости.

На рисунке 2 видно, что уровень общего коэффициента брачности сельского населения Республики Коми со второй половины 1980-х годов начинает заметно отставать от городского. В Республике Саха (Якутия), где уровень брачности сельского населения традиционно ниже городского показателя, со второй половины 1980-х годов также наблюдается нарастание разницы между городом и селом в реализации брачного потенциала (см. рис. 3).

Низкий уровень брачности в сельской местности Коми, безусловно, во многом является следствием значительного постарения сельского населения. Однако обращает на себя внимание тот факт, что с 1994 г. ниже городского уровня опустился даже и суммарный (к 50 годам) коэффициент брачности сельских женщин, который до этого оставался единственным сельским показателем брачности, выгодно отличавшимся от городского.

Как уже отмечалось, в основе хороших показателей брачности сельских женщин Коми лежали существовавшие в течение длительного времени очень благоприятные для них половые пропорции на брачном рынке. Сложившийся в сельской местности республики «дефицит невест» традиционно обуславливал здесь как пониженный уровень брачности мужского населения, так и высокую степень реализации женского брачного потенциала.

На протяжении последних трех десятилетий половые пропорции в сельской местности Республики Коми заметно выравнялись, что способствовало сближению мужских и женских брачных потенциалов, однако в 1990-е годы значительно уменьшилась степень их реализации. Тем не менее, даже в условиях снижения ниже городского уровня не только общего коэффициента брачности, но и женского суммарного (к 50 годам) показателя, уровень первой брачности сельского населения Коми все еще оставался выше городского. Если в городской местности вероятность вступления в первый брак в 1995 г. имели 62% мужчин и 66% женщин, то в сельской — 69% мужчин и 74% женщин, что свидетельствует о лучшей реализации сельскими жителями своего брачного потенциала. Повышенный уровень брачности городского населения республики обеспечивала повторная брачность — следствие его высокой разводимости.

Таким образом, ситуацию с официальной брачностью в сельской местности Коми, несмотря на уровень общего коэффициента, несущего на себе груз старой возрастной структуры, и вопреки сложившимся стереотипам, еще в середине 1990-х годов можно было считать более благополучной, чем в городской.

Однако факт более значительного снижения степени реализации брачного потенциала сельских жителей, выразившегося в существенном расхождении с конца 1980-х годов сельских и городских уровней брачности и в Коми, и в Якутии, требует объяснения. На наш взгляд, его можно рассматривать в качестве одного из свидетельств происходящих со второй половины 1980-х годов изменений в моделях брачно-семейного поведения населения России — расширения распространения фактических браков.

Дело в том, что фактическому браку, в отличие от внебрачной сексуальной связи при отсутствии устойчивых отношений семейного типа, являющейся более городским явлением, легче отвоевывать себе позиции у официально зарегистрированного брака именно в сельской местности. И особенно в Республике Коми, где свыше половины сельского населения составляют представители коренного этноса, для которого и в исторической перспективе, и в настоящее время характерна некоторая специфика брачно-семейного поведения, заключающаяся в признании фактических браков наравне с регламентированными в официальном порядке. Очевидно, что во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов юридически не зарегистрированные фактические брачные союзы на селе вновь, как и в 1920—1930-е годы, вошли в широкую практику. А впоследствии они стали характерными и для городского населения, и прежде всего для повторных браков.

Динамика структуры брачности населения по предыдущему брачному состоянию также служит подтверждением широкого распространения с конца 1980-х годов фактических браков, поскольку отсутствие юридической регламентации брачных отношений традиционно более характерно для повторных браков, чем для первых. Буквально до начала 1990-х годов во всех возрастных группах, кроме самой младшей, и у мужчин, и у женщин Республики Коми наблюдался рост доли повторных браков.

Особенно четко этот рост прослеживался в городской местности, где на протяжении уже длительного времени доля вторичных браков в общем их числе была в полтора-два раза выше, чем аналогичная доля в сельской. Но с начала 1990-х годов на селе, а с середины десятилетия и в городской местности в составе официально зарегистрированных браков началось снижение удельного веса повторных браков, перешедшее затем в стабилизацию. Лишь в самые последние годы (с 2007–2008 гг.) в республике вновь наметилось увеличение доли повторных браков в общей структуре зарегистрированных браков.

По всей видимости, в условиях усиления внимания государства к демографическим проблемам, начало которого можно датировать Посланием Президента Федеральному собранию 2006 г. и в рамках которого довольно большое значение придается вопросам нормализации брачно-семейных отношений, зарегистрированный брак вновь начинает упрочивать свои позиции.

Важный момент, на который хотелось бы обратить внимание, — это соотношение уровней повторной брачности у женщин и у мужчин. Обычно мужчины вступают в повторные браки чаще женщин, что исследователи, как правило, объясняют такими психологическими моментами, как более высокие требования женщин к выбору нового брачного партнера при наличии

у них детей от первого брака, низкая конкурентоспособность женщин с детьми на брачном рынке и пр. При этом не уделяется должного внимания половым пропорциям.

Однако, по всей видимости, именно они в условиях преобладания женщин во многом обеспечивают большую частоту вторичных браков у мужчин. В Республике Коми половая диспропорция в пользу мужчин, сохраняющаяся почти до пенсионных возрастов, обуславливает высокую ценность на брачном рынке невест любого брачного состояния, вследствие чего вышеуказанная закономерность до недавних пор здесь не наблюдалась.

Но с начала 2000-х годов, в условиях значительного выравнивания половых пропорций и при все еще сохраняющемся численном преобладании мужчин в самых активных брачных возрастах, доля повторных браков у мужчин в Коми превысила аналогичный женский показатель. Очевидно, повышенные требования женщин к выбору нового мужа при наличии детей и пониженная конкурентоспособность женщин с детьми на брачном рынке также играют немаловажную роль в степени распространения вторичных браков у мужчин и женщин.

Как было отмечено, в конце 1980-х — начале 1990-х годов наблюдалось омоложение возрастной структуры брачности. На фоне снижения показателей практически во всех возрастных группах росли возрастные коэффициенты брачности в группе моложе 20 лет. Однако еще в первой половине 1990-х годов волна омоложения официальной брачности закончилась.

Так, в Республике Коми максимальная доля браков, заключенных до 18 лет, была зафиксирована в 1992 г. (1,2% у мужчин и 6,3% у женщин), а в возрастах до 24 лет в целом — в 1993 г. (соответственно, 53,8 и 64,2%). С 1994 г. снижение среднего возраста вступления в брак в Республике

Коми, как и в Республике Саха (Якутия) и по России в целом, сменилось его ростом. Особенно заметное увеличение доли браков после 25 лет наблюдается в самые последние годы. По всей видимости, в условиях усиления внимания государства и общества к проблемам семьи постепенно стали оформляться браки, которые ранее в силу тех или иных причин были отложены. В результате в 2009–2011 гг. в Коми удельный вес браков, заключенных в возрастах старше 25 лет, у мужчин превысил 72%, у женщин практически достиг 60%.

С другой стороны, принимая во внимание, что в большинстве развитых стран снижение среднего возраста вступления в брак сменилось его ростом еще в начале 1970-х годов, как только там схлынули волны активной стадии сексуальной революции, может быть, следует считать это закономерной исторической тенденцией, имеющей долговременный характер, способный повлечь за собой еще более значительное снижение интенсивности официальной брачности и дальнейший рост уровня окончательного безбрачия.

По-видимому, население все больше отходит от традиционной модели всеобщей ранней брачности. Половая жизнь молодежи начинается все раньше, а возраст вступления в брак повышается. При этом общественное мнение все более благосклонно относится к незарегистрированным бракам. И число их увеличивается, вытесняя часть официально зарегистрированных браков.

Иными словами, наблюдающееся в последнее время увеличение среднего возраста вступления в брак, как и существенное отставание сельских показателей брачности и стабилизация (до самого последнего времени) доли повторных браков, а также по-прежнему высокий удельный вес внебрачных рождений, около половины которых регистрируется по совместному

заявлению родителей, — свидетельствует о широком распространении юридически не регламентированных форм семьи. При этом модели формирующихся у молодежи демографических стандартов, характеризующиеся довольно значительной ориентацией современных молодых людей на незарегистрированные брачные отношения, ранним началом и высокой активностью добрачных сексуальных отношений, наблюдающихся на фоне недостаточной контрацептивной культуры и контрацептивной ответственности, способствуют дальнейшему усилению распространения альтернативных форм семейной организации.

Расширение распространения фактических браков подтверждается и сравнением результатов микропереписи населения 1994 г. и переписей 2002 и 2010 гг., согласно которому в течение второй половины 1990-х — начала 2000-х годов удельный вес мужчин брачного возраста, состоящих в незарегистрированном браке, увеличился в Коми с 6,3% в 1994 г. до 8,7% в 2002 г. и до 12,6% в 2010 г., женщин — соответственно с 5,5 до 7,6% и до 10,7% [12, 13]. При этом следует отметить, что в Республике Коми доля населения, состоящего в незарегистрированных брачных отношениях, заметно выше среднероссийского аналогичного показателя.

Уровень фактической брачности населения России в целом еще и в 2002 г. был ниже (6,1% мужчин и 5,1% женщин старше 16 лет, указавших свой брачный статус), чем уровень, характерный для Республики Коми в середине 1990-х годов. В 2010 г. фактическая брачность составляет в России у мужчин и женщин, соответственно, 8,4 и 6,9% [6], что ниже, чем было в Коми в 2002 г. В Республике Саха (Якутия) уровень фактической брачности населения также выше, чем в целом по стране. Удельный вес мужчин, состоящих в незарегистриро-

ванных брачных отношениях, увеличился в Якутии за 2002–2010 гг. с 8,0 до 10,6%, женщин – с 7,3 до 9,6% [6, 12].

Кроме того, и официально зарегистрированному браку зачастую предшествует либо фактический брачный союз, либо добрачная беременность, которая также является свидетельством наличия более или менее устойчивых добрачных отношений между будущими супругами.

С целью более подробного исследования некоторых аспектов официальной брачности населения, не получающих отражения в текущей статистике, в конце 2002 г. нами было проведено сплошное исследование всех случаев регистрации брака за 1992–2001 гг. в трех сельских населенных пунктах Республики Коми [14]. Критерием отбора именно сельских поселений послужила возможность получения здесь достоверной ретроспективной информации. В небольших населенных пунктах, где все друг друга знают, кроме параллельного анализа статистики браков и рождений, определенные сведения, например о существовании до официальной регистрации брака фактического брачного союза, о событиях, сопутствовавших формированию семьи, о дальнейшем ее развитии, можно почерпнуть из интервью со специалистами, регистрирующими демографические события.

Исследование показало, что в рассматриваемый период, по крайней мере, в сельской местности Республики Коми большинству официально зарегистрированных браков предшествовал фактический брачный союз той или иной продолжительности. Более 20% браков были оформлены уже после рождения совместных детей. Весьма значительная часть браков были зарегистрированы при условии добрачной беременности невесты (от 30 до 45%), которая считается одним из факторов дестабилизации семейной жизни.

Попутно было установлено, что далеко не все случаи внебрачных рождений попадают в статистику внебрачной рождаемости, которая в Коми, даже после шестилетнего снижения, составляет в 2011 г. 32,7%, а в сельской местности – 41,8% рождений, т.е. уровень внебрачной рождаемости, по сути, еще выше, чем его отражает официальная статистика. Регламентация фактических супружеских отношений зачастую является завершением процесса демографического развития семьи. Так, в нашем исследовании примерно в 40% зарегистрированных за десятилетие браков дети впоследствии уже не родились: или они были рождены будущими супругами до брака (как отмечалось выше, более чем в 20% браков), или уже не планировались по причине возраста супругов, наличия детей от предыдущих браков и т.д. (также почти 20% браков).

Таким образом, наряду с официально регламентированной формой семьи в последние два десятилетия в России широкое распространение получили юридически незарегистрированные браки, лишь часть из которых со временем оформляется официально. Для Республики Коми и Республики Саха (Якутия) это характерно в большей степени. И в еще большей мере это, очевидно, характерно для Республики Тыва, традиционно отличающейся низкими показателями брачности и очень высоким уровнем внебрачной рождаемости.

Известно, что не только неполная семья, но и фактический брак характеризуется меньшим числом детей в семье. Кроме того, фактический брак является менее устойчивым в плане разводимости: причины, препятствующие почему-либо официальной регистрации отношений, усиливают центробежные тенденции в нестабильном незарегистрированном брачном союзе. И это тоже способствует понижению показателей

рождаемости. Иными словами, сформировавшаяся на протяжении последних двух десятилетий семейная структура населения является весьма значимым фактором низкого уровня рождаемости.

И только в самое последнее время, в условиях усиления в 2006–2007 гг. внимания государства к проблемам в демографической сфере, наметилось улучшение в процессах официально зарегистрированной брачности. Наблюдающаяся в течение последнего десятилетия тенденция роста уровня брачности, которая в начале 2000-х годов была обусловлена главным образом улучшением возрастной структуры брачных контингентов, в последние годы усилилась «реализацией отложенных браков» — повышением интенсивности брачности в старших возрастах. На улучшение ситуации в брачно-семейной сфере указывает и снижение с 2006 г. доли внебрачных рождений в общей структуре рождений.

Это свидетельствует о том, что на тенденции развития брачно-семейных отношений можно оказывать позитивное воздействие. С этой целью необходимо усилить пропаганду возрождения семейных ценностей, расширить мероприятия по укреплению института семьи и духовно-нравственных традиций семейных отношений.

Для северных регионов России задача укрепления института семьи, возрождения и усиления духовно-нравственных традиций семейных отношений — это очень важный момент. Ведь во многом именно наблюдающийся в настоящее время в России кризис семейных ценностей, возобладание внесемейных интересов отвечают и за низкий уровень репродуктивных установок населения, и за недостаточную степень их реализации, и за то, что рождаемость все более становится «внесемейной деятельностью». А в северных регионах эти неблагоприятные моменты усиливаются более

существенной дезорганизацией семейной жизни как по причине значительного миграционного оборота населения (некоренное и особенно непостоянное население отличаются более низким уровнем социального контроля и самоконтроля — соответственно, в среде мигрантов повышенная вероятность разного рода девиаций, в том числе и в брачно-семейной сфере), так и по причине каких-то особенностей матримониального поведения коренных народов (будь то остаточные явления полигамии, как у тывинцев, или традиционно лояльное отношение к внебрачной рождаемости, как у коми, или дезорганизация брачно-семейных отношений на основе многолетней маргинализации некоторых коренных малочисленных народов Севера).

В заключение еще раз подчеркнем наиболее острые демографические проблемы конкретных северных регионов, требующие активизации региональных мер демографической политики.

- Практически перед всеми северными территориями России очень остро стоят проблемы смертности населения — прежде всего преждевременной мужской смертности от внешних причин, и особенно в сельской местности. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа исключением в этом вопросе не являются: показатели продолжительности жизни населения в них также очень сильно отстают от характерных для развитых стран.

- В большинстве северных территорий России необходимо существенное снижение уровня младенческой смертности: в республиках Тыва и Саха (Якутия), в Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах, Камчатском крае, Магаданской и Сахалинской областях.

- Для Республики Карелия, Мурманской и Архангельской областей весьма

актуальны вопросы повышения уровня рождаемости. В последние годы количественные аспекты рождаемости приобрели значительную остроту также в Камчатском крае и Магаданской области.

- В республиках Карелия, Коми, Саха (Якутия) и Архангельской области требует внимания необходимость активизации брачных процессов населения и повышения доли рождений в зарегистрированном браке.

- Чрезвычайно значительный уровень внебрачной рождаемости, коррелирующий с высокими значениями коэффициента младенческой смертности, характерный для Республики Тыва, Ненецкого и Чукотского автономных округов, Камчатского края, Магаданской и Сахалинской областей, свидетельствует о важности для этих регионов решения проблемы повышения качества рождаемости.

- Для Магаданской области, Чукотского и Ханты-Мансийского автономных округов актуальны вопросы повышения стабильности семьи.

- А для Республики Тыва – в целом укрепление духовно-нравственных традиций семейных отношений и усиление официальной регламентации брачно-семейных процессов.

На наш взгляд, для регионов Российского Севера цель демографической политики следует определить как создание условий для устойчивого и качественного развития населения, для обеспечения стабильного естественного прироста на основе сближения показателя ожидаемой продолжительности жизни с общероссийским уровнем, повышения уровня и улучшения качественной структуры рождаемости, в основе которого лежит укрепление духовно-нравственных традиций семейных отношений.

Источники

1. Волков, А.Г. Семья – объект демографии / А.Г. Волков. – М.: Мысль, 1986.
2. Попова, Л.А. Северный вариант российской модели демографического старения / Л.А. Попова, Е.Н. Зорина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 2 (26). – С. 111-125.
3. Мостахова, Т. Совершенствование управления демографическими процессами в Республике Саха (Якутия) / Т. Мостахова, И. Веселкова // Федерализм. – 2009. – № 2. – С. 169-178.
4. Возрастной состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1990.
5. Возрастно-половой состав и состояние в браке. – М., 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 2).
6. Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 31.05.2013).
7. Попова, Л.А. Особенности демографического развития северных территорий России / Л.А. Попова // Россия и современный мир. – М., 2010. – № 4. – С. 178-190.
8. Синельников, А.Б. Брачность и рождаемость в СССР / А.Б. Синельников. – М.: Наука, 1989.
9. Демографический ежегодник Республики Коми. 2010. – Сыктывкар, 2011. – С. 166-167.
10. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс]. – URL: <http://cbsd.gks.ru/> (дата обращения: 31.05.2013).
11. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР № 235 от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» // СП СССР, 1981. – № 13. – Ст. 75.
12. Возрастно-половой состав и состояние в браке. – М., 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 2).
13. Состояние в браке, образование. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 2: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2012.
14. Попова, Л.А. Современные особенности формирования и развития семьи в Республике Коми / Л.А. Попова // Семья в России: Науч. обществ.-политич. журн. – М., 2006. – № 1. – С. 25-39.

Popova L.A., Barashkova A.S.

Development of marriage and family relationships in the northern regions of Russia

Larisa Alekseevna Popova – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russia, popova@iespn.komisc.ru)

Anastasiya Spiridonovna Barashkova – Ph.D. in Economics, Leading Research Associate, Scientific-Research Institute of Regional Economy of the North, North-Eastern Federal University in Yakutsk (2, Petrovsky Street, Yakutsk, Russia, asbarashkova52@mail.ru)

Abstract. The article deals with the mechanism of modern demographic development in Russia's northern regions. The article studies the dynamics of marriage processes in the North in the post-war period, and reveals the current specifics of marriage and family relations. The authors analyze in more detail the situation in the two big northern republics: the Komi Republic and the Republic of Sakha (Yakutia). They identify factors that determined a significant decrease of marriage rate in the 1990s and the relative normalization of marital and family processes in recent years. The article outlines the main directions of demographic policies in the northern regions.

Key words: Northern regions, population reproduction, marriage and family relations, level and structure of nuptiality, demographic policy.

References

1. Volkov A.G. *Sem'ya – ob'ekt demografii* [Family – the Object of Demography]. Moscow: Mysl', 1986.
2. Popova L.A., Zorina E.N. Severnyi variant rossiiskoi modeli demograficheskogo stareniya [Russian Model of Population Ageing (in the Case of the Northern Regions)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no.2(26), pp. 111-125.
3. Mostakhova T., Veselkova I. Sovershenstvovanie upravleniya demograficheskimi protsessami v Res-publike Sakha (Yakutiya) [On the Improvement of Demographic Processes Governing in Sakha-Yakutiya Republic]. *Federalizm [Federalism]*, 2009, no.2. pp. 169-178.
4. *Vozrastnoi sostav naseleniya RSFSR po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 g* [Age Structure of the RSFSR Population according to the All-Union Population Census of 1989)]. Moscow, 1990.
5. *Vozrastno-polovoi sostav i sostoyanie v brake (Itogi Vserossiiskoi pe-repisi naseleniya 2002 g.: v 14 t. T. 2)* [Age and Sex Composition and Marital Status (The Results of the All-Russian Population Census of 2002: in 14 Volumes. Volume 2)]. Feder. sluzhba gos. statistiki [Federal State Statistics Service]. Moscow, 2004.
6. *Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010* [All-Russian Population Census of 2010]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (data obrashcheniya: 31.05.2013).
7. Popova L.A. Osobennosti demograficheskogo razvitiya severnykh territorii Rossii [Specifics of Demographic development of the Northern Territories of Russia]. *Rossiya i sovremennyyi mir* [Russia and Modern World], 2010, no.4, pp 178-190.
8. Sinel'nikov A.B. *Brachnost' i rozhdaemost' v SSSR* [Marriage and Fertility in the USSR]. Moscow: Nauka, 1989.
9. *Demograficheskii ezhegodnik Respubliki Komi. 2010* [Demographic Yearbook of the Republic of Komi. 2010]. Syktyvkar, 2011. Pp. 166-167.
10. *Tsentral'naya baza statisticheskikh dannykh* [Central Statistical Database]. Available at: <http://cbds.gks.ru/> (data obrashcheniya: 31.05.2013).
11. Postanovlenie TsK KPSS, Sovmina SSSR № 235 ot 22 yanvarya 1981 g. "O merakh po usileniyu gosudarstvennoi pomoshchi sem'yam, imeyushchim detei" [Resolution of the Central Committee of the CPSU, USSR Council of Ministers No. 235 of January 22, 1981 "On measures to strengthen public support for families with children"]. *SP SSSR* [Collection of Resolutions of the USSR], 1981, no.13, p.75.

12. *Vozrastno-polovoi sostav i sostoyanie v brake (Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 g.: v 14 t. T. 2)* [Age and Sex Composition and Marital Status (The Results of the All-Russian Population Census of 2002: in 14 Volumes. Volume 2)]. *Feder. sluzhba gos. statistiki* [Federal State Statistics Service]. Moscow, 2004.
13. *Sostoyanie v brake, obrazovanie. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda. Respublika Komi. Tom 2: stat. sb.* [13. Marital Status and Education. The Results of the Population Census in 2010. Komi Republic. Volume 2: Statistical Collection]. Komistat. Syktyvkar, 2012.
14. Popova L.A. *Sovremennye osobennosti formirovaniya i razvitiya sem'i v Respublike Komi* [Modern Features of the Formation and Development of the Family in the Komi Republic]. *Sem'ya v Rossii: Nauch. obshchestv.-politich. zhurn.* [Family in Russia: Scientific Social and Political Journal], 2006, no.1, pp. 25-39.